

Очевидно, что в исторической прозе последних двух десятилетий заметно смещена граница между историей и литературой, трансформированы привычные жанры, на смену обстоятельной и объективной реконструкции событий пришли игра и фантастика. Новые взаимоотношения литературной формы и собственно исторического содержания требуют переосмысления, уточнения приоритетов, что позволит пересмотреть статус исторической прозы, осуществить переоценку ее роли в общественном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володихин Д. Антиквары против мифотворцев // Знамя. 2006. № 10.
2. Иванова Н. В полоску, клеточку и мелкий горошек // Знамя. 1999. № 2.
3. Кожин В.В. Историзм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
4. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997.
5. Новиков В. Невозможность истории // Дружба народов. 1998. № 11.
6. Мясников В. Историческая беллетристика – спрос и предложение // Новый мир. 2002. № 4.
7. Фрумкин К. Банкротство рая // Свободная мысль – XXI. 2000. № 9
8. Урицкий А. Такая странная (страшная) игра // НЛЮ. 2008. № 91. <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/ur29.html>.
9. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. М., 2004.

Примечания

1. Аналогичная ситуация сложилась на рубеже XIX–XX веков. Историософия Мережковского, Белого, Брюсова и др. символистов была сознательно противопоставлена философии позитивизма и существенно расширила границы эстетики истории. См.: Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992.
2. К числу беллетристов, пишущих в жанре исторической прозы, относят В. Аксенова, В. Пелевина, Т. Толстую, А. Кабакова, М. Веллера, В. Сорокина, Б. Акунина, В. Шарова, Д. Быкова, А. Тургенева и многих других. См.: Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности // Знамя. 2006. № 11.

С.Н. МАКАРОВА

МОТИВ ПУТИ В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье рассматривается один из важнейших концептов русской духовной культуры – концепт Пути. Исследование проводится на материале творчества Н.А. Некрасова, в поэзии которого данный концепт является одним из ведущих мотивов

The article concentrates on one the most important concepts of Russian spiritual culture – the concept of Way. The research is based on N.A. Nekrasov's works, whose poetry features this concept as one of the leading motifs.

Ключевые слова: мотив, концепт, путь, христианство, духовная культура, Н.А. Некрасов.
Keywords: motif, concept, a way, Christianity, spiritual culture, N.A. Nekrasov.

Концепт «путь» – один из важнейших в человеческой культуре. Как отмечает О.А. Черепанова, «это универсалия мировой культуры» [8]. Важен и другой вывод исследователя о том, что концепт пути «присутствует на различных уровнях культуры старой и новой, традиционно-народной и интеллектуально-элитарной, в обрядах и ритуалах, в фольклоре различных жанров, в высокой и церковной книжности, в художественных поэтических и прозаических произведениях, в живописи, музыке и т. д. Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути, языки культур, служащие для передачи этого концептуального комплекса, образуют «мифологему пути», неизменно и ощутимо присутствующую в нашем коллективном национальном сознании» [8].

Значимость данного концепта во многом обусловлена его древним происхождением, связью с мифологическими представлениями и верованиями. «Дорога – это ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции, – отмечает такой авторитетнейший источник, как «Словарь Славянских древностей», – связь дороги с потусторонним миром и семантикой пути делают ее местом, где узнается судьба, проявляется удача или неудача» [6, 124–127]. Будучи общим местом для людей и нечистой силы, дорога символически разделялась на две половины: «правую – для людей и левую – для потусторонних существ и зверей» [6, 128].

Таким образом, уже в языческой культуре в определении дороги присутствует двойственность – деление на положительную и отрицательную сторону, на «правую» и «левую», что окажется очень значимым в дальнейшем развитии данного понятия.

Лексема «путь» также имеет древнее общеславянское происхождение. В истории русской культуры, в отличие от прямого значения слова «дорога», именно «путь» приобретает богатую символическую семантику. Важно и то, что эта семантика усвоена, большей частью, «из христианской традиции и корнями своими уходит в греко-византийскую и иудейскую древность» [8]. Как отмечает О.А. Черепанова, «эта семантическая емкость лексемы П особенно отчетлива в переводных текстах, в которых слово П выступает эквивалентом целого ряда греческих слов <...> среди которых: «путь, путешествие, поездка» и «жизненный путь»; «дорога, тропа» и «путь жизни»; «путь, орбита» и «передвижение, эволюция»; «вера, вероисповедание». Именно при переводе с греческого славянское П аккумулировало в себе всю ту семантическую емкость, которую мы наблюдаем у него в древнеславянских текстах» [8].

В таком же значении употребляется оно и в Священном Писании: «Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк. 1: 2), а также синоним этого слова «прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1: 3) в значении «дорога, путь, направление» [1, 523].

Широта семантического поля концепта пути вмещает в себя и евангельское значение широкого и узкого: «Входите тесными вратами; потому что широкие врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесные врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 13–14).

Особенность широкого и узкого значений пути надо понимать не только в прямом, физическом значении, но особенно важно понимание метафизического, переносного смысла. «Узкими вратами, – толкует блаженный Феофилакт, – Господь называет искушения, как произвольные, например, пост, бдение, вольную нищету, так и непроизвольные, каковы: узы, гонения, лишение имения, славы, детей, болезнь, раны и прочее, что Иов и не хотя потерпел. Как человек тучный или с большою

ношею не может пройти узким местом, так сластолюбивый или богатый идут широким путем. От этого широкого пути и предостерегает нас Господь, говоря: *яко пространныя врата и широкий путь* жизни греховной есть путь, *вводяй в пагубу — в рабство* погибельным страстям и в вечную погибель, — *и мнози суть входящии им!* (...) Сам Господь со скорбью говорит: *что узкая врата и тесный путь* — о как тесны врата и узок путь, *вводяй в живот* вечный! Это путь обуздания своих помыслов, отсечения собственных пожеланий для Бога, путь скорбей и лишений, но зато он ведет к жизни святой и богоугодной, к чистоте и бесстрастию, а затем и к жизни вечноблаженной!» [7].

Проблема пути — одна из магистральных для всей святоотеческой литературы, в частности древнерусской. Уже в «Изборнике 1076 г.» помещено «Слово некоего отца к сыну», в котором отец наставляет свое чадо, каким путем ему следует идти в жизни сей («*Взишти кшим путем идоша и коюю стезею текоша*» [1, 754, 992]): просторной ли дорогою греха... или узкою тернистой дорогой добродетели.

Широкий путь — это путь грешников, по нему идут беспрепятственно, как бы плывут по течению, он не требует подвига от людей, следовательно, им идет большинство. Узкий путь противопоставлен широкому по принципу «трудный — легкий». Узкий — путь праведников, он связан с подвигом, с самоотречением, с любовью к ближним, по нему идти трудно, он усеян терниями, поэтому его можно назвать также тернистым путем. Таким образом, широкий путь связан отчасти со стагнацией, с духовной смертью, а узкий — с жизнью, движением, с представлением об идеале человека, именно по нему призывает идти Евангелие.

В творчестве Н.А. Некрасова особую роль играет христианская культурная традиция. На это указывала, в частности, Н.Н. Мостовская, писавшая, что «некрасовская поэзия, родственно связанная с народным творчеством... основывается и на вечной культуре: Библия, Евангелие, агиографическая литература, органически вбирая в себя их темы и стилистику. Христианские мотивы во всей их глубине и многообразности не только живут в некрасовских поэтических текстах, наряду с литературными, но порой и перекрывают их» [4, 195].

Также и В.И. Мельник связывает «бунтарские, революционные по духу стихи» поэта с Евангелием, с «несомненно православным мировоззрением поэта» [3, 11]. Ю.В. Лебедев, конкретизируя это общее положение, отмечал, что многие герои поэзии Некрасова «окружены подвижническим ореолом, они внутренне, духовно все время держат перед собой высший идеал богочеловеческого совершенства...», а сам «народный поэт не отступал от традиций отечественного благочестия» [2, 4-5].

Мотив пути занимает важное место в лирике Некрасова. Словесное обозначение его у поэта варьируется. Иногда автор открыто говорит о нем, употребляя слово «путь»:

*Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата* [5].
*Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь... (II, 138).*

В первом примере для характеристики пути употреблен эпитет «тернистый». Во втором — «правый». Здесь они имеют не только отвлеченно-метафорический смысл: Некрасов опирается на христианскую традицию — отсюда определенное словоупотребление. Образы тернистого и правого пути даются им в широком христианском контексте и сопрягаются в стихотворениях со словесной стихией религиозной сферы: «брат» — это церковное (и монашеское) обращение, «страждущий» — подчеркивает христианское терпение «брата» и готовность идти в огонь за ближнего, является показателем христианской любви.

Во втором, приведенном ниже случае: «милость бога», «покаяние», «жизнь для других», «кроткие очи», «спасение», — создают атмосферу покаяния и молитвы о прощении грехов. А образ плачущей матери перекликается с образом Богородицы, именно в мотиве очищения грехов слезою:

*Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои! (II, 138).*

В одной из молитв к Пресвятой Богородице есть такие слова: «Я вижу слезу, оросившую Твой лик. Это надо мной Ты пролила ее, и пусть смоет она следы моих прегрешений...» («Вопль к Богоматери»).

В двух приведенных выше примерах, употребляя слово «путь», поэт выражает свое отношение к пути как к желательному и благородному. Когда же речь идет о «широком» пути, высказывается предостережение:

*Лишь умышленного шага
По неправому пути
Бойся!.. (III, 186).*

Для разграничения разных путей поэт употребляет характерные определения: с одной стороны — «прямой», «правый», «тернистый», с другой — «неправый», «большой». Некрасовское понимание в целом соответствует евангельской традиции, дается в русле христианских идей.

«Прямой», «правый» — в значении «истинный» — даны в словаре В. Даля как синонимы. Семантически они связаны с узким путем, который сопряжен с трудностями, испытаниями, терниями, отсюда — «тернистый».

«Большой», «неправый» несет противоположный смысл: с одной стороны, связан с легкостью, доступностью, то есть не требует усилий, с другой — с ложью, отсутствием истины, праведности.

Характеристика, которая дана у Некрасова, входит в число других, имеющих в Новом Завете: «Оставивши прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную» (2 Пт. 2: 15); в другом месте также находим противопоставление двух путей, один из которых назван, а другой подразумевается: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?» (Деян. 13: 10).

Таким образом, *путь* у Некрасова приобретает очень широкий контекст: «правый», «тернистый» — христианский образ жизни (в следовании по пути Христа) и

смерти (вознесение над землей), обретающий высшую ценность в исполнении цели своего посланничества; а «большой» или «неправый» путь – соответственно – противоположный ему.

Из широкого контекста образа пути у Некрасова вытекает христианское понимание более узкого образа – дороги, которая соотносится с жизнью героя и имеет, опята же, не конкретный, а обобщенный характер.

У Некрасова слово «дорога» (в значении «путь, стезя») семантически связано с понятием пути. Эту же тенденцию находим в Новом Завете, в притче о Сеятеле: «И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то... Ко всякому слушающему слово о Царствии и не разумеющему приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге» (Мф. 13: 19). А в Евангелии от Луки в одном случае используется понятие «дорога», а в другом – синонимичное слово «путь»: «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его... А упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись» (Лк. 8: 5, 12). Здесь видим символическое значение образа дороги, соотношение его с человеком, с путем его жизни в значении образа жизни (внимает/не внимает Слову, живет/не живет по Слову).

У Некрасова в стихотворении «Мать» понятие «дорога» используется как раз с этим оттенком значения:

*Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать! (III, 62).*

«Дорогою прямою» выражает здесь значение исполнения миссии, уже заранее определенной судьбой.

Итак, образ дороги у Некрасова является фактически синонимом пути и осложняется дополнительным значением посланности в мир с определенной миссией.

Третьим словом, семантически связанным с понятием «путь», является «тропинка». Употребляется вместе с определением «торная»:

*Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем (III, 10).*

Налицо противопоставление: дорога – тропка. Исходя из значения «торная», которое дает В. Даль («торная – см. торина... торина – торная дорога, большая, битая и уезженная» [1, 805, 803]), можно сказать, что речь идет о тропинке как о «широком пути», который выбирают, как безопасный, не требующий усилия, приемлемый для всех. Дорога используется как видовое понятие узкого пути и противопоставляется тропке по принципу «высокий – низкий». Дорога вообще соответствует узкому пути, высокому по своему значению, а широкому пути соответствует сниженное по сравнению с ней слово «тропка».

Движение некрасовского героя по своему пути начинается за пределами земного круга бытия. Герой *послан* в мир:

*Природа – мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру... (II, 173)
Его послал бог Гнева и Печали... (III, 154)*

Предопределенность пути идеального героя, его посланность определяют его миссию в мире – миссию пророка («он честно истине служил», «в открытом обличении зла» («Белинский»)), подвижника («сознательно мирские наслаждения ты отвергал, ты чистоту хранил» («Памяти Добролюбова»)), страдальца (его судьба – «терновый венок» («Мать»)), жертвы за благо людей («жить для себя возможно только в мире, но умереть возможно для других!» («Пророк»)).

Следовательно, если он приходит в мир с определенной целью, то тип его судьбы и путь, которым он пойдет, задан изначально. И если некрасовское понимание двух возможных для человека путей в целом соответствует евангельской традиции, то, естественно, его герою предопределен путь «прямой», «правый», «тернистый». В Евангельской истории и в последующей истории христианства этим путем шли все святые и, прежде всего, Иисус Христос, который Сам Себя называет «Путем»: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 4–6). Собственно говоря, все святые, в той или иной степени, повторяли путь Христа в мире – шли к Отцу «через Христа», Который был послан Отцом в мир, и после распятия и Воскресения вознесся на Небо.

Если движение некрасовского героя начинается за пределами земного бытия, то оно и заканчивается вне его. Так, например, в «Памяти Добролюбова» герой, посланный «Природой-матерью», завершая земной путь, возносится под небеса:

И высоко вознесся ты над нами... (II, 173).

А в «Пророке» герой посылается в мир «богом Гнева и Печали» и тоже возносится над землей, но не под небеса, а на крест.

Конечной же точкой земного пути выступает у Некрасова понятие «стан», выражающее значение некоего единства, братства всех шествующих по «узкому» пути:

*От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви! (II, 242).*

Кроме «стана погибающих» существует у поэта еще «стан безвредных». Это люди самолюбивые, живущие ради личных земных благ. Идеал жизни этого «стана» выражен в словах нянюшки из «Песни Еремущке»:

*В люди выйдешь, все с вельможами
Будешь дружество водить...
И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя... (II, 65–67).*

Существует у Некрасова и еще один «стан», к которому можно отнести другую когорту людей: «стяжателей и воров», «сладких певцов», – это стан «ликующих, пра-

здно болтающих, обгадряющих руки в крови», или, по аналогии, их можно назвать «станом вредных», так как сам поэт не дает им определения.

В заключении можно сделать вывод, что мотив пути занимает одно из основных мест в лирике Некрасова, потому что судьба героя определяется его *посланностью* и осуществление или неосуществление цели посланности напрямую зависит от того, какой путь он выберет. Путь является неотъемлемой чертой видения мира поэтом. Для обозначения этого понятия автор использует спектр слов, таких как «дорога», «судьба», «тропинка», одни из которых используются только для обозначения положительного или только отрицательного значения, а другие для обоих одновременно. На семантическую их наполненность указывают определения (узкого пути – «правый, тернистый, прямой», широкого – «неправый, большой, торный») и более широкое словоупотребление.

Мотив пути используется Некрасовым для создания образа идеального героя, при этом поэт создает целую систему противопоставлений: «узкий» – «широкий», «дорога» – «тропинка», «прямая дорога» – «большая дорога» и т. п. Центральную ось этой системы составляют два определения: «узкий» и «широкий». Они имеют прямое соответствие евангельскому учению и православной духовной традицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3.
2. *Лебедев Ю.В.* Мотивы христианской гражданственности в поэзии Н.А. Некрасова // Н.А. Некрасов: современное прочтение. Кострома, 2002.
3. *Мельник В.И.* Поэзия Н. Некрасова в свете христианского идеала. М., 2007.
4. *Мостовская Н.Н.* Храм в творчестве Некрасова // Русская литература. 1995. № 1.
5. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. М., 1948. Т.3. С. 190. Далее все цитаты произведений Н.А. Некрасова даются в тексте статьи по этому источнику. В круглых скобках римской цифрой указывается том, арабской – страница.
6. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* В 5 т. М., 1999. Т. 2.
7. *Троицкие листки. Толкование на Евангелие от Матфея. Духовно-нравственное чтение для народа.* М., 1994.
8. *Черепанова О.А.* Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. СПб., 1999.